

УИЛЬЯМ СНОДГРАСС

*С английского **

Апрельская инвентаризация

Зеленое покрылось белым,
Цветут вишневые сады.
Я год не занимался делом,
А получал, как за труды.
Весна вошла в свои права.
По осени сойдет листва.

Мне облысеть придется тоже.
Студентки же из года в год
Все отчужденней и моложе.
Их невозможно брать в расчет.
Я весь в опавших лепестках,
Они, как перхоть, на плечах.

Мои студентки, ухмыляясь,
Меня лишают нужных слов:
Я понимаю, что лишаясь
В придачу к волосам зубов.
Не стать мне до скончания дней
Ни деловитей, ни юней.

Я как-то разродился списком
Всего, что мне пора бы знать,
И сообщил родным и близким,
Что думаю практичным стать.
Мой психоаналитик рад
Был списку... год тому назад.

Я, в сущности, не враг теорий,
Но книг про книги не зубрил,
Чего-то дату знал, но вскоре
И ту, конечно, позабыл.
А мой сосед в лесу цитат
Напыщен, славен и богат.

* Уильям Снодграсс — Стихи (Перевод с английского А. Сергеева, П. Грушко) // Современная американская поэзия (М.: Прогресс, 1975), 313–319.
Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2008.
<http://imwerden.de>

Девцам в классе пел я: Дьюи,
Воззренья, Уайтхед, форма, миф.
Одной же промышчал, ликуя,
Прелестный Малера мотив.
И чем я приглянулся ей?
Ни долларов, ни степеней.

Я научился огрызаться,
Ценить себя, любви не ждать,
Простым и ласковым казаться
И всех несчастных утешать,
Но я не знаю, где, когда
Придет победа иль беда.

Я не уверился в обмане,
Что за мечтой идти назад,
Что лишь телесное желанье
Воспламеняет шалый взгляд,
Что я люблю, что мир мне мил
И что реален милый мир.

Пока ученый держит речи
И язву развивает впрок,
Я сквозь очки свои замечу
Спорхнувший с груши лепесток.
Есть ценность — присягнуть готов —
Не только в золоте зубов.

Листва спечется в перегное,
Девчонки превратятся в жен,
Но все же есть у нас такое,
Что придает всему резон,
Что охраняет в нас людей
Для нас самих, не для врачей.

Отпуск на десять дней

Из тьмы вагона он на свет ступает,
Глядит на вязы, как на чудеса.
Теперь возможно все: он проболтает
Всю ночь с друзьями. Вот их голоса.

Сквозь веки светит полдень, но в постели
Он нежится, не открывая глаз,
И думает: «Неужто, в самом деле?
Мерещится уже который раз?»

Но нет. Отец рассказывает сыну
Домашние известия, а тот
Как будто смотрит старую картину
И все, что будет, знает наперед.

Или как будто вдалеке от дома,
В краю, где ты наверняка впервой,
Все в незнакомом кажется знакомо,
И мучит мысль: «Что это вдруг со мной?»

Но нет, тут старые приметы быта.
Во сне кинокартину создал он
О том, что было намертво забыто —
И выскользнул из сна. Но этот сон

Хранят, как старомодное имение,
С годами превращенное в музей.
Здесь жил, творил и умер некий гений,
Здесь все сохранено до мелочей:

Дом, где он жил, лужайка, где гулял он, —
Как все похоже! Человек идет
Немым туристом по бесценным залам.
Не прикоснись! Иначе пропадет.

Тот сон, которым так он потрясен.
Когда он вновь увидит этот сон?

Операция

Из ванночек нержавеющей стали
Вынимают теплую ткань и обмывают меня,
Из алюминиевой чаши достают губку, дышащую морозом;
Зажатая в мертвой желтой перчатке,
Прямая блестящая бритва сползает вдоль живота,
Снимая каштановые волоски. Я лежу
Белый, словно ребенок, но не напуганный.
Мне вовсе не стыдно. И вот меня одевают
В тонкие легкие и просторные
Белые одеянья бедняги Пьеро,
И я как школьница перед первым причастием.

Я плыву и плыву к неизбежному сну.
В белых масках и сине-зеленых халатах
Санитары везут меня; в белых одеждах
Мое пораженное ядами тело летит
По коридорам, где толпами бродят больные:
Золотушные лица; мальчишки, худые и мрачные;
Семьи, сгрудившись, плачут; женщина смотрит,
Горбясь над суковатой клюкой, — ребенок где-то
Кричит, кричит — и вдруг в слепой тишине лифт поднимает
На гудящую, полную света арену растерянного героя;
Окованный и околдованный, я должен играть эту роль.

Проснувшись, я нахожу себя среди цветов и женщин.
Слишком слабый, чтобы думать о силе, я размышлял
Или дремал в окруженье стоящих друзей. А сейчас в ночи
Я холмик под простынею, подобье сугроба.
Лишь сиделки в сиянье приходят ко мне, говоря: — Отдыхайте.
Напротив — шеренга сияющих окон конторы, внизу —
Фары машин чертят наши дороги: груз под брезентом
Тащат в гору грузовики, и сирены их плачут
По мне, беглецу. Очень тихо. На подоконнике
В вазе с душистым горошком кристальный мир
Вверх ногами, несуетный и веселый.

Исследование

Нахохлив плечи, в слепящих протуберанцах света,
Черные мантии, тесно сбившись в одну
Стаю, перебирают рукава, словно это —
Темные крылья грифов, и, обнажив белизну

Трупных пальцев, сводят костяшки. Теперь за дело.
Каждый своим циклопическим взглядом (ведь у него
Мерцает на лбу бледно-лунный диск) сверлит ошалело
Привязанное к топчану странное существо.

Один ноготком щербатым исследует неподвзято
Проволочную голяшку, ляжку и дряблый пах,
Другой — крыло, пунцовое, словно парус пирата,
Приподнял, изучая его мускулы и размах.

Третий царапает хищный клюв золотого отлива,
Поднял ороговевшее веко, смотрит на глаз,
Пагубный, как смарагд, и, отстранясь боязливо,
Спрашивает: «Под наркозом? Не опасен для нас?»

«Что вы!» — самый высокий, чья голова, вроде гири,
Раскачивает все тело, отвечает: «Наш препарат
Может утихомирить всех богов в этом мире.
Это Гаруда клевался. А наш смирнее цыплят.

Итак, продолжим, прошу». И вот, склоняясь любовно
Над черепной коробкой, над грудой мозга,
Подцепляет двумя руками, хватистыми, словно
Щипцы акушера, серый мелко-складчатый плод,

Держит его на весу и, точно некое диво,
Передает соседу, который, тараща глаз,
Вертит его так и эдак, ощупывает брезгливо,
Будто гнездо осиное или вспученный метастаз.

Им надо понять, о чем думают все эти клетки,
Что происходит в каждой, чем она занята?
Воронье перо обмакнув в тушь, наносят пометки.
Очерчивая, как на глобусе, сомнительные места,

Которые необходимо иссечь, пока еще можно,
Прополаскивают, применяя антисептики и эфир,
И серебряною пилою вторгаются осторожно
В древние складки, словно в окологочный жир.

Уже он промыт, и просушен, и мазями смазан щедро.
Очищены грязные пилы и стерильно блестят. Голова
Зияет, готовясь принять мозг в безмолвные недра.
Мерцают иглы — на черепе ни пореза, ни шва.

Тут же в уши ему один вставляет затычки,
Ватой ноздри, а шорами плотно глаза прикрыл.
Кто-то ниткою тонкой перетягивает яички,
Кто-то длинными ножницами срезал с пунцовых крыл

Большие перья. Теперь, ввиду неупотребленья,
Можно смело надеяться, что он позабудет высь
Или по меньшей мере не станет в процессе паренья
Забираться в высшие сферы, куда старшие забрались.

Это цветочки. Чуть позже они расщепят на части
Язык и научат правильной речи, потом снабдят
Памятью дивных книг и чувством собственной масти,
Чтоб одеваться, как требует определенный уклад.

И, может быть, пациент поблагодарит их однажды,
Возможно, пойдет на поправку, освоится с головой
И даже решит вступить в их цех. А покуда каждый,
Покачиваясь, произносит шепотом: «Свой... Свой...»

По картине Моне «Ненюфары»

В прохладе утра веки ощущают
Приятное тепло. Неясный мир
Светает на очнувшихся ресницах
Наброском, где уже блуждает свет;
В тумане мирового океана
Материя, как первозданный пар,
Возносится из падающих вод,
Круговорот которых бесконечен;
Роение ракушечных скелетов,
Ленивый снегопад диатомей,
Плывущих сквозь молочные столетья;
Дрейф атомов, и острова тумана,
Туманные архипелаги света,
Правдивые блуждающие блики
Мерцают, словно зыбкий молочай,
Как теплые огни, плывут сквозь воздух
Безветренный, запорошенный снегом,
Сверкают, пропадая в полутьме,
Как мы проходим в памяти у женщин,
Которые проходят. В этой бездне
Что маяться? К чему смертельный гнев?
И мы, живые, можем ли постичь
Предел его терпенья? Это все
Овладевает мной, как апельсин,
Забивший рот: тягучий терпкий сок
Течет и достигает каждой клетки,
Уже я распадаюсь, превращаюсь
В кувшинки (если все это кувшинки),
В танцовщиц, пляшущих над пустотой,
И мушек, пылью взвихренных на солнце,
В цветенье зыбкое и млечный пар,
В свеченье — и парю в частицах света,
В мягчайшей женской плоти, в полыханье,
В котором погибаешь, чтобы жить...

Примечания

Дьюи, Джон (1859—1952) — американский философ и социолог, виднейший представитель современного прагматизма.

Уайтхед, Альфред Норт (1861—1947) — английский философ-идеалист и математик.

Гаруда — орел из индийской мифологии.

Об авторах

СНОДГРАСС, УИЛЬЯМ (SNODGRASS, WILLIAM). Род. в Уилкинсбурге, Пенсильвания, в 1926 г. Окончил колледж в Пенсильвании и Университет штата Айова. В 1944—1946 гг. служил в армии. Преподаватель литературы в колледжах и университетах штатов Нью-Йорк, Мичиган и др. Автор сборников стихов «Игла в сердце» (*“Heart’s Needle”*, 1960, премия Пулитцера), «Пережитое» (*“After Experience”*, 1968).

Содержание

Апрельская инвентаризация. <i>Перевод А. Сергеева</i>	313
Отпуск на десять дней. <i>Перевод А. Сергеева</i>	315
Операция. <i>Перевод А. Сергеева</i>	316
Исследование. <i>Перевод П. Грушко</i>	317
По картине Моне «Ненюфары». <i>Перевод П. Грушко</i>	318